

II

— Итак, князь?

— Я, право, затрудняюсь, что мне ответить вам, графиня. Я не совсем понимаю, для чего все это нужно вам, и мне, право же, немного жалко эту бедную баронессу...

— С каких это пор ваше сиятельство стали сентиментальным?

— Я никогда не был бесцельно жестоким. Что же делать? Жизнь сурова, и когда приходится выплывать самому, то не рассуждая топишь другого...

— Иначе говоря, вы не видите для себя выгоды из предлагаемого дела? Так говорите проще и прямее: сколько?

— Графиня, я не еврей-ростовщик, чтобы...

— Бросьте, милый мой. Если это намек на мое происхождение, то он довольно плосок. Будем деловыми людьми, так мы скорее договоримся до чего-нибудь. В данный момент я именно нахожусь в таком положении, когда приходится выплывать самой, а вы уже давно боретесь, чтобы окончательно не пойти ко дну. Так поплывем вместе.

— Говорите, графиня.

— Милый мой, дело в том, что я сделала очень плохой гешефт, когда вышла замуж за покойного графа. Отец проклял меня и лишил наследства, но я сказала себе: «Э, твои жалкие сотни тысяч, когда у графа — миллионы». И вот я стала графиней. Но — увы! — оказалось, что у графа далеко не было таких больших средств, как говорили. После его смерти большая часть недвижимости как родовое достояние перешла в семью младшего брата покойного, а меньшую расхитили кредиторы. Мне остались только этот дом да немножко денег, которых не хватает на содержание комнат в порядке... Да, граф безбожно обманул меня!

— Ну, вы не можете так уж жаловаться на него. Покойный сделал то, что не мог бы сделать никто другой: надо было быть настолько влиятельным, чтобы создать своей жене, урожденной Финкельштейн, дочери еврея-менялы, такое блестящее положение при дворе. Это тоже капитал.

— Который необходимо реализовать. В этом-то все дело, князь, ради

этого-то я вас и привлекаю в соучастники. Вы вот жалеете «эту бедную баронессу», а подумайте: она молода, богата, свободна, любима; я же бедна, на краю разорения, отвергнута. У нее все, а она завладела тем, что должно быть моим. Вероломный поляк изменил мне, влюбившись в нее. Его величество, довольно благосклонно поглядывавший прежде в мою сторону, теперь не обращает на меня ни малейшего внимания. Почему же ей все, а мне ничего?

— Допустим, что это справедливо. Но я вижу здесь только месть, а никак не выгоду.

— Выслушайте меня до конца. Предав поляка и запутав баронессу, я не только мщу им, но и заслуживаю признательность. Его величество, разочаровавшись в златокудрой баронессе, кинет и на меня приветливый взор. О, я не поведу с ним такой тактики, как эта кислосладкая лицемерка. Я не буду вздыхать и ныть... на моей груди император выпьет полную чашу блаженства. Я достаточно красива, достаточно соблазнительна, чтобы увлечь его хоть на мгновение. А там моя игра будет сделана. Женщине, оказавшей такую услугу государству и подарившей сладкие часы любви государю, не откажут ни в чем. Откуп свободен, государь собирается оставить его за собой, я же заставлю отдать его мне.

— Фи, графиня. Но как посмотрит свет на то, что вы возьметесь за такое дело?

— Э, милый мой князь, какое мне дело до света! Да знаете ли вы хоть приблизительно, сколько дохода дает в год откуп? Вот в том-то и суть... Мне надоело придворное общество, где сквозь наружную любезность и вежливость сквозят явное пренебрежение и презрение к моему происхождению. Нет, дальше от них!.. С деньгами я создам себе такое общество, такой круг, какой захочу.

— Допустим. Но что же я буду иметь от всего этого?

— Я назначу вас пожизненно моим главным интендантом. Дела у вас не будет никакого — только четверть часа в день на подпись бумажонок, а жалованье королевское.

— Что же. Если вы не откажетесь оформить это...

— Друг мой, я выросла в такой среде, где без документа не делают ни шага... Перейдемте в кабинет, князь, и там обсудим формальную сторону нашего договора. Да ну же, будьте спокойны, князь! Предложите же руку своей новой союзнице!

III

— Однако это вино обладает удивительной способностью к быстрому высыханию! Смотрите, братцы, а ведь оно опять все высохло и в бутылках, и в стаканах, и в нашей утробе! Мне пришла в голову гениальная мысль: а что, братцы, если потребовать еще вина?

— Ура, капрал Ниммерфоль! Дельное предложение!

— Тише, Плацль! Ну и глотка у тебя! Должно быть, сразу спугнул всех ворон с крыши.

— А ты, может быть, собирался закусить одной из них?

— Не остри, Цвельфзейдель, это здесь совсем ни к чему. Во-первых, тебя здесь не оценят; во-вторых, только даром тратится дорогое время, в течение которого можно пропустить добрый стаканчик. Эй, вахмистр Зибнер! На минуточку! Да куда же он запропастился? Эй, Зибнер! Вахмистр!

— Да иду, иду! Экие горланы! Вы, братцы, забываете, что вы здесь не на товарищеской пирушке, а в дозоре. Разве мыслимое дело поднимать такой шум?

— Ну-ну, старый служака, за порядок и все прочее отвечаю я. А вот ты отвечай за себя. Взятся ты или нет доставлять нам все, что нам нужно для поддержания наших слабых сил? А как ты думаешь — на что нам пустые бутылки?

— Как? Вы уже все выпили?

— Нет, вино само высохло. Поэтому тащи еще вина, да поскорее.

— Нет, братцы, так не годится. Вы еще сгорите, пожалуй, от такой массы вина, а в помещении пороховой башни строго запрещено держать все огнеопасное.

— Да полно вам уговаривать его. Пусть ломается... Не достанем мы вина без него, что ли? Здесь в деревушке целых два кабака. Гони монету, Ниммерфоль, я живо сбегаю. Только вот не заперли ли кабак? Посмотри-ка, капрал, на часы... Двенадцати еще нет?

— Нет, без четверти... Батюшки! Ребята, вспомните-ка, какой сегодня день.

— Пятница!

— Да, пятница, а через четверть часа будет двенадцать.

— Ба! Ты думаешь, что черная карета снова промчится здесь?

— А почему бы нет? До сих пор она аккуратно проезжала каждую пятницу. Знаете что, братцы? Отложим на время истребление винных запасов старого Зибнера и пойдем на улицу; надо же выяснить, в чем тут дело.

— Да как же вы это выясните? Карета никогда не сбивается с дороги, а остановить ее так себе, ни с того ни с сего, вы не имеете права.

— Полно, Зибнер. Какое там право? Мы хотим знать, в чем тут дело.

— Смотрите, любопытство может дорого вам обойтись: сатана не любит, когда ему становятся поперек дороги. Ну да смейтесь себе, смейтесь! Старый Зибнер достаточно прожил на свете и видал кое-что... У нас в Праге тоже одно время ездила в полночь черная карета, запряженная черными, искромечущими конями. Девушка Фохтс захотела подстеречь эту карету и выглянула из окна, когда слышала стук и грохот. И что же! Она старалась как можно дальше высунуть голову, чтобы лучше разглядеть; карета уже давно проехала, а голова Фохтс все продолжала вытягиваться, вытягиваться, вытягиваться, пока шея не вытянулась на добрых два метра. Потом ее голова стала крутиться, и шея свернулась в спираль. А когда перепуганная Фохтс хотела втянуть голову обратно, то окно вдруг съезжилось, и голова уже не могла пройти в него. Дом пришлось ломать!

— Какие глупости! Как не стыдно повторять бабьи сказки! Пусть-ка мне попадется такое привидение. Я угощу его раза два саблей, так будет знать.

— Нельзя ли узнать, как вас зовут, господин герой?

— Меня зовут Плацль, вахмистр Зибнер.

— А позвольте поинтересоваться, какой город осчастливлен честью именоваться родиной столь доблестного воина?

— Я — венец!

— Ах, так! Ну что ж, поговорка гласит, что у венцев львиная пасть и заячье сердце...

— Господин Зибнер! Вы ответите мне за такие слова!

— Я слишком стар, да и не для того меня произвели в вахмистры, чтобы я стал отвечать рядовому солдату! Вообще я нахожу, что у капрала Ниммерфоля подчиненные имеют слишком слабое понятие о дисциплине, субординации и служебном долге.

— Правда, вы — вахмистр, но это не дает вам права оскорблять...

— Да чем же я оскорбил рядового Плацля? Я только повторил то, что говорят все. Не я же сложил эту поговорку. Пусть лучше Плацль докажет, что эта поговорка к нему не относится!

— Ну, так идем, братцы, все на улицу. Я докажу этому господину, заячьё ли у меня сердце. Я не я буду, если не разузнаю, что это за карета.

— Молодец, Плацль! Вот это дело!

— Идем, ребята.

— Ух, как сегодня прохладно!.. Бррр...

— А звезды-то, звезды! Вон их сколько высыпало!

— Ну, братцы, вы постойте здесь, а я пойду туда, за вал, и спрячусь в тени придорожного дерева. До скорого свидания, товарищи! — произнес Плацль.

— Молодец!.. Ребята. Слышите грохот колес?

— Господи Иисусе Христе! А ведь правда!

— Гляди, гляди, вот и она показывается.

— Где?

— Да куда ты смотришь? Вот там, справа внизу... Ведь здесь крутой поворот и крутой подъем...

— А, вижу, вижу. Господи, вот мчится-то!

— Господи Боже! Неладное это дело! Смотрите, смотрите: карета вся черная, лошади черные, кучер в черном... Спаси и помилуй! Неладное, братцы, дело затеяли!

— Эй, Плацль, вернись лучше!

— А как кучер лошадей настегивает!

— Смотрите, смотрите! Карета выезжает из-за поворота!

— Эх, зря Плацль похвастался. Что он может сделать, когда карета мчится с такой дьявольской быстротой?

— Вот именно с дьявольской! Ба-тюш-ки! Братцы, да что же это?

— Что за сумасшествие! Вскочил на запятки!

— Глядите, глядите, фуражкой машет!

— Братцы, да ведь проклятая карета увезла нашего Плацля!

— Ну, пропал Плацль ни за грош!

— Ну что за глупости, вернется. Проедет милю на запятках, да и соскочит, сюда же вернется.

— Держи карман шире — выпустит его теперь сатана!

— Ну, уж и сатана.

— Капрал Ниммерфоль, вам придется отвечать за такое попустительство.

— Полно вам, Зибнер. Кто вас за язык дергает? Точно ваша это забота. Да и кто вы такой здесь? Смотритель пороховой башни? Ну и смотрите, чтобы черт не унес ее, а уж за своими людьми я и сам усмотрю.

— Вот и недосмотрели. Башню-то черт не унес, а Плацля...

— Не ваше дело. Велика беда на запятках проехаться. Не бойтесь, не позже утра вернется.

Увы! Рядовой Плацль не вернулся ни на другой день, ни позже.

IV

— Боже мой, Боже мой! С таким невинным лицом, с такими ясными глазами — и такая бездна черного предательства... Ты молчишь? Эмилия! Отвечай! Я требую, чтобы ты ответила мне что-нибудь!

— Что же мне ответить вам, ваше величество? Ответить, что я невинна? Но разве это важно для меня? Важно только одно, что ваше величество не побоялись кинуть мне в лицо тысячу оскорблений, грязных подозрений... О, Боже мой, Боже мой, я не перенесу этого! И вы могли, вы решились... Я... не...

— Слезы? А знаете, баронесса, женщина всегда плачет, если не находит веских доказательств и оправданий!

— Ваше величество!

— Может быть, вы хотите оправдаться? Но я уже добрых полчаса только и предлагаю вам сделать это!

— Мне не в чем оправдываться перед вами, ваше величество.

— Так вы признаете себя виновной?

— Нет, но я не унижусь до оправданий перед вашим величеством. Мне кажется, что человек, так близко подошедший к моей душе, как вы, ваше величество, мог быть уверен, что я не способна на это.

— Слова, баронесса, слова, а когда бесспорные факты противопоставляются бездоказательным словам, то...

— То? Договаривайте, ваше величество! Прикажите судить меня — что же, все равно: как бы ни были велики мои страдания, они не превысят того, что мне уже пришлось испытать теперь. Боже мой!.. И я верила в вас как в Бога!

— Эмилия, жизнь моя, заклинаю тебя нашей любовью — оправдайся, стряхни с себя эти ужасные подозрения... Пойми, то, в чем тебя обвиняют, было бы смертным грехом не только против твоего государя, но и против человека, который любил тебя больше всего на свете! Эмилия, я страстно любил тебя! Ведь ты была для меня символом всего чистого, всего светлого.

— И достаточно было слова хитрой интриганки, чтобы все ваше доверие ко мне разлетелось прахом?

— Эмилия, оставь упреки. Умоляю тебя, оправдайся!

— Ваше величество, у меня, к сожалению, нет фактических оправданий, а слова... но что такое слова лживой женщины!

— Я вижу, что все это — правда. Я презираю тебя! Твоя душа черна так же, как бело твое лицо, и твое сердце так же грязно, как блещут золотом твои волосы.

— Добивайте, ваше величество, добивайте слабую женщину. Добивайте за то, что она имела глупость полюбить вас.

— Не смей говорить мне о своей любви! Ты не любила и не любишь меня!

— Да, ваше величество, вы правы: я вас не люблю больше. Прежде я любила вас больше Бога, но теперь... И вообще, прекратите эту тяжелую сцену, ваше величество. Позвольте мне уйти.

— Так, значит, это правда?.. Но довольно слов. Можете уйти, баронесса. Во имя того счастья, которое я пережил с вами в прошлом, я реабилитирую вас в глазах общества. Я сдержу свое бешенство, подавлю кипящую во мне обиду и затушу этот скандал... Ступайте.

— Имею честь кланяться вашему величеству.

— Могу я узнать, как вы предполагаете устроить свою судьбу?

— Я выхожу замуж, ваше величество.

— Вот как? А еще вчера...

— Да, еще вчера, когда дедушка предложил мне жениха, я не знала, как опасно для молодой женщины быть при дворе вашего величества, не имея покровителя и защитника.

— Змея, где же твоя любовь?

— Об этом надо спросить вас, ваше величество. Я сама смотрю себе в сердце и удивляюсь, куда она девалась... Ведь еще вчера... вчера...

— Ступайте, баронесса. Приберегите свои слезы для будущего мужа... На тот случай, когда вы обманете его так же подло, как обманули меня. Ступайте, я сдержу свое слово. Вы будете реабилитированы. Пусть один только я знаю, сколько низости и гнусной измены может таиться под такой ангельской внешностью, как ваша. Да уходите же! Ведь и у меня тоже есть предел терпению!..

Часть первая

I

НЕПРИЯТНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Пятеро закутанных в темные плащи мужчин бесшумно перебрались через стену парка и осторожно направились по аллее, которая вела ко дворцу.

Хотя светил месяц, но в тени густых деревьев парка было так темно, что дорожка совершенно тонула во мраке. Это заставило шествовавшего впереди предупредить:

— *Cavete, commilitones, ne in fossam cadeatis!*

— Траппель,— отозвался на это чей-то молодой, звучный голос,— внеси-ка себе в книжку Биндера. Ведь мы уговорились под угрозой штрафа общаться только на родном языке, а этот *asinus* раздражается целыми латинскими фразами. Запиши-ка ему три бутылки пива.

— Траппель,— сказал второй, занеси-ка в проскрипционный список и Вестмайера за то, что он ругается по-латински, а не на нашем добром венском диалекте.

Хохот заглушил эти слова; но не успел он смолкнуть, как послышался третий голос:

— Траппель, прибавь к первым двум еще и Гаусвальда, пусть поплатится парой бутылочек пивца за то, что употребляет иностранные слова вроде «проскрипционный».

Это замечание довело веселость молодых людей до апогея.

— Ну уж этот Лахнер,— смеясь, воскликнул Траппель.— Всегда-то наш Фома подцепит кого угодно, а сам сухим из воды вылезет. Истинный венский бурш, что и говорить.

Последние слова должны убедить читателя, что пятеро таинственных молодых людей, проникших таким воровским путем в парк замка всесильного Кауница, не принадлежали к числу каких-

нибудь темных злодеев. Действительно, это были просто студенты Венского университета, чистокровные бурши, люди предприимчивые, охотники до всяких приключений.

Последнее обстоятельство и послужило причиной их пребывания в парке.

Дело в том, что во дворце жила прехорошенькая девушка, в честь которой предстояло исполнить серенаду. Устроитель последней, юрист-второкурсник Теодор Гаусвальд, племянник старшего истопника князя Кауница, был большим любителем-виртуозом игры на флейте. Если перечислять остальных студентов в порядке их прилежания и солидности, то мы должны поставить на первый план философа Вилибальда Биндера, собиравшегося всецело посвятить себя богословию. Будучи страстным любителем игры на скрипке, он с радостью принял участие в этом приключении. Если же в порядке перечисления следовать талантливости, то на первый план придется поставить Фому Лахнера — самого веселого и легкомысленного члена этой компании. Он играл на скрипке гораздо лучше Биндера, но, зная честолюбие последнего, охотно уступил ему почетное место первой скрипки, удовольствовавшись предстоящим ему подыгрыванием.

Самым добродушным студентом из всех них следовало признать Тибурция Вестмайера. Он не обладал ни малейшими музыкальными талантами и наклонностями, но, склонясь на настойчивые просьбы Гаусвальда, научился играть на фаготе, чтобы иметь возможность издавать несколько хриплых звуков в унисон с остальными товарищами. Он значительно больше преклонялся перед пивным королем Гамбринусом, чем перед Александром Великим, и с большой неохотой изучал комментарии к походам этого известного героя античного мира, которого проклинал на каждом шагу...

Но к чему же в таком случае он продолжал заниматься затверживанием наизусть этих комментариев? О, только из добродушия! Его дядя, придворный садовник, желал этого, и, как по настоянию Гаусвальда Вестмайер взялся за фагот, так же по настоянию родственника он продолжал долбить ненавистный комментарий.

Остается упомянуть еще о Густаве Траппеле, самом изящном и красивом из всех этих студентов. Траппель — сын брюннского купца и вполне приличный виолончелист.

Но в честь кого же именно устраивалась эта серенада?

В честь второй камер-юнгферы княгини Кауниц, очаровательно свежей, грациозной брюнетки Неттхен, праздновавшей сегодня день своего рождения.

Сколько уже раз пришлось ей встречать этот высокотожественный день, оставалось неизвестным ее пламенному поклоннику Теодору. Но он и не старался узнать это; ведь он видел, что молодость находится в самом ярком, в самом пышном расцвете, и этого было для него вполне достаточно.

Итак, пятеро молодых людей осторожно пробирались по темной аллее парка, направляясь ко дворцу.

— Только бы сам князь не оказался дома,— заметил Биндер.

— Ну вот еще,— ответил Гаусвальд.— Ведь он уехал со своим семейством.

— А графиня фон Ридберг тоже уехала? — спросил Лахнер.

— Само собой разумеется,— ответил Гаусвальд,— ведь в качестве кухни государственного канцлера она принадлежит к его семейству.

— Но почему же окна освещены?

— Надо полагать, что огонь виден в комнатах дворцовой прислуги,— заметил Вестмайер.

— С каких это пор прислугу помещают в бельэтаже? — фыркнул Траппель.— Готов биться об заклад, что это — помещение самого Кауница.

— Траппель прав! — воскликнул Гаусвальд.— Освещенное окно с зелеными гардинами находится в рабочем кабинете самого канцлера.

— Но в таком случае, значит, князь не уехал?

— Ну вот еще. Кому же лучше, как не моему дяде, знать, уехал ли князь или нет.

— Но тогда как же объяснить этот свет?

— Очень просто: пользуются отсутствием князя, чтобы произвести генеральную чистку и уборку его апартаментов.

— Может быть, это и так,— сказал Вестмайер,— но только поторопимся, потому что иначе закроют все пивные.

— Да, да, поторопимся,— сказал Биндер.— Я непременно должен проштудировать сегодня еще две страницы.

— А где именно живет твоя милочка, Гаусвальд? — спросил его Лахнер.

— На самом верхнем этаже, в том окне, из которого струится слабый

отблеск света. О, как счастлив этот свет!.. Ведь он озаряет мою Неттхен! Неужели она спит и не ведает, какая честь готова выпасть на ее долю?

— Да услышит ли она нас? Ведь ее окно довольно высоконько. Впрочем, давайте грянем изо всех сил. Я даже отложу трубку, чтобы дуть как можно сильнее в фагот,— сказал Вестмайер.

Настроили смычковые инструменты, притащили садовую скамейку; на нее уселся виолончелист, остальные обступили его, и по знаку Гаусвальда концерт начался.

Музыканты сыграли очень мелодичную вещицу, которая сошла довольно недурно — настолько, что Вестмайер счел долгом выразить удовольствие.

— А ведь неплохо все сошло,— сказал он, с наслаждением раскуривая трубку.— Ну, чем мы не Орфеи?

— А окно Неттхен все не открывается,— вздохнул Гаусвальд.— Она не слышит нас.

— Да, мы допустили большую ошибку, не взяв с собой турецкого барабана. Для таких целей совершенно не годятся драматические пьески; необходимо что-нибудь звонкое, бравурное. Знаете что? Давайте сыграем гренадерский марш.

— Без ударных инструментов не получится никакого эффекта.

— А зачем Господь Бог даровал нам зычные глотки? Попытаемся изобразить барабан и литавры губами, если у нас нет самих инструментов.

Это предложение находчивого Лахнера имело успех: студенты снова взялись за свои инструменты и лихо сыграли трескучий марш.

Результатом этого было нечто совершенно неожиданное. Многие из темных доселе окон внезапно осветились, а из дома выбежали два лакея и бросились прямо на музыкантов. Один из них с силой ухватил Биндера за ухо, другой больно ударил фаготиста палкой по спине, крикнув:

— Вот тебе, бездельник!

Биндер даже присел от боли и не пытался оказать сопротивления. Но Вестмайер спокойно вооружился фаготом и разбил его о голову своего обидчика, сказав:

— Это тебе за «бездельника».

Лакеи кинулись в драку, но на стороне студентов был слишком большой численный перевес. В одно мгновение обидчики были

повергнуты на землю и получили хорошую трепку. Затем студенты приступили к допросу, на основании чего по отношению к ним было проявлено такое грубое обхождение, и сконфуженные, избитые лакеи сознались, что нападение было произведено по приказанию дворецкого. Узнав это, студенты дали побежденным по легкому тумачу на дорожку и отпустили их с миром.

— Что же это за негодяй-дворецкий! — воскликнул Лахнер.

— Дело объясняется очень просто, если сказать, что этот дворецкий сам точит зубы на Неттхен,— ответил Гаусвальд.— Она уже жаловалась мне, что Ример не дает ей проходу.

— В таком случае прокричим ему троекратное *pereat*.

— Да, да, прокричим! — подхватили остальные, и это было сейчас же исполнено.

— Ну а теперь надо наострить лыжи отсюда,— сказал осторожный Траппель.

— Вот еще! — в один голос подхватили Гаусвальд и Лахнер.— Бежать от этого негодяя? Никогда!

— В таком случае сыграем еще что-нибудь.

— Хотите «Месяц плывет по ночным небесам»?

— «Друг твой проводит рукой по струнам»? Идет. Лахнер, начинай теперь ты.

Студенты с большим подъемом сыграли и эту вещицу.

Тогда из одного из окон второго этажа показалась одетая в белое женская фигура; она бросила что-то студентам и сейчас же скрылась. Брошенный предмет прокатился как раз мимо ног Лахнера, и последний успел подхватить его.

— Что это? — спросил Гаусвальд.

— Апельсин.

— Апельсин? Нечего сказать, знатное угощение для пятерых студентов. Славно нас здесь принимают.

— Тише, братец, постой... к апельсину приколоты записка.

— Ура! Это, наверное, от Неттхен. Она благодарит нас за доставленное ей наслаждение. Ну-ка, Лахнер, прав я или нет?

— А черт разберет что-нибудь в такой темноте. Вот что, Вестмайер, положи-ка в свою трубку кусочек трута и раскури ее по сильнее.

Вестмайер так и сделал, и при вспыхнувшем пламени Лахнер вслух прочел:

— «Бегите, бессовестные, или вы погибнете!»

— Однако! Это не особенно-то вежливо.

— Давай мне сюда апельсин, я брошу его обратно.

— Нет, нет, это ни к чему — можешь разбить окно, и неприятностей не оберешься!

— Но серенаду придется прервать?

— Ну разумеется. Почтим неприветливых обитателей этого дворца кошачьим концертом — и восвояси.

Студенты принялись мяукать изо всех сил. Вдруг Лахнер испуганно посмотрел в сторону главного входа и крикнул товарищам:

— Ребята, берите ноги в руки и бежим! Патруль идет!

— Но куда бежать-то?

— Туда же, откуда мы влезли сюда.

Студенты припустились изо всех сил к главной аллее, чтобы оттуда пробраться к удобному для перелезания через стену месту. Впереди всех бежал поджарый Траппель, сзади всех — Биндер, жалобно моливший, чтобы его не оставляли одного.

До аллеи добрались благополучно, но когда они выбежали на главную аллею, то солдаты заметили их, и поднялась отчаянная погоня с криками: «Держи их! Лови! Держи!»

Первым в руки патруля попал тяжелый на ходу Биндер. Определив по отчаянным воплям, что Биндера поймали, Траппель и Вестмайер решили бежать напрямки и постараться перелезть через стену в первом попавшемся месте. Но это удалось только Траппелю: он подставил вместо лестницы свою виолончель, легко взобрался по ней на стену и, не заботясь о судьбе товарищей, спрыгнул и убежал. Вестмайер хотел последовать его примеру, но виолончель не выдержала его веса и сломалась. Он упал на спину и сейчас же был схвачен подоспевшим патрулем.

Лахнер и Гаусвальд свернули в сторону и благополучно избежали опасности, кинувшись в чащу. Но, заметив, что солдаты ведут Биндера и Вестмайера, Гаусвальд сказал:

— Было бы очень нечестно с моей стороны бросить товарищей на произвол судьбы, раз уж по моей вине они попали в это неприятное положение. Я иду к ним.

— Что же, — ответил Лахнер, — в таком случае я присоединяюсь к тебе; проведем вместе эту ночь в кордегардии.

— Нам ничего не посмеют сделать, милый мой. Серенада не представляет собою какого-нибудь преступления, за которое станут карать. Я объясню все начальнику патруля, и нас не только отпустят с миром, но еще дадут хорошую взбучку лакеишкам, осмелившимся потревожить патруль без всякого повода.

— Ты рассуждаешь очень логично, милейший Теодор,— смеясь, ответил ему Лахнер,— но тем не менее твоя логика приведет нас в кордегарию, где мы принуждены будем провести ночь на нарах.

— Если ты боишься этого, так беги один.

— Ну вот еще!.. Разве я брошу товарища в беде?!

Оба студента вышли из-за деревьев и осторожно пошли за патрулем, который вполне удовлетворился доставшейся ему добычей и возвращался обратно к дому.

Навстречу им блеснули факелы. Два лакея освещали путь стройному мужчине среднего роста, одетому в голубую шинель и в фуражке с широким золотым галуном. Это был главный дворецкий Ример.

Ример внимательно всмотрелся в лица обоих арестованных и недовольно буркнул:

— Это спаржа без головки! Главного зачинщика вам не удалось поймать.

— А вот и зачинщик,— крикнул Гаусвальд, подходя к нему из боковой аллеи вместе со своим спутником.— Я должен поставить на вид начальнику патруля, задержавшего наших товарищей, что если здесь и следует кого-нибудь арестовать, то никак не нас, а дворецкого его сиятельства, только что употребившего непристойное сравнение со спаржей без головы. Этот дворецкий приказал своим лакеям напасть и избить нас, мирных и безобидных студентов.

Дворецкий скривил рот в ироническую улыбку и воскликнул:

— Однако! Довольно смело с вашей стороны добровольно отдаться мне в руки. Вы отважны, как ястреб. Но знаете, что в ястребе лучше всего? То, что его можно подстрелить.

— Это еще что за пошлая шутка? Эх вы, ливрейный шутник!

Дворецкий не ответил на этот выпад и обратился прямо к унтер-офицеру, командовавшему патрулем, и приказал увести арестованных. Студенты разразились негодующими протестами, но старый щетинистый унтер сразу оборвал их:

— Ну, вы там, зеленоротые! Не тратьте даром пороха! Окружить их!

Штыки наперевес! Левое плечо вперед... ша-го-ооо-м марш!

Студенты, которым угрожали солдатские штыки, волей-неволей были вынуждены двинуться вперед и следовать вместе с отрядом, плотным кольцом окружившим их со всех сторон, но подчинились этой неожиданной участи далеко не без угроз и протестов.

— Мы еще увидимся с вами, господин Ример,— крикнул дворецкому Гаусвальд.— Вы еще попляшете у нас!

— Н-да-с,— буркнул своим глубоким басом Вестмайер,— вы попляшете, а мы сыграем. Но только тогда нашими инструментами будут уже не скрипки и трубы, а палки и хлысты.

— О, господа солдаты,— завопил Биндер, отпустите меня, голубчики! Я всегда отличался скромным поведением и набожностью! Я по неведению попал в компанию этих сорванцов!

— Стыдись! — сказал ему Лахнер.— Гораций говорит в оде к Делию: «Храни достоинство своей души как в счастье, так и в несчастье».

— Мне не пристало почерпать нравственные правила у язычника,— раздраженно крикнул Биндер и снова продолжал вопить.— Я невиновен, клянусь вам! Отпустите меня... ведь у вас останутся те трое!

Когда студенты проходили вместе с патрулем через ворота замка, старый солдат шутливо сказал Лахнеру:

— Глядите-ка, студенты, выход-то здесь. Чего же было через стену-то бросаться.

— Не заметили,— ответил тот.— А скажите, пожалуйста, куда вы нас ведете?

— Туда, где раки зимуют.

— А где это будет?

— Там, где звонят в колокола из телячьей кожи.

Через четверть часа злосчастные музыканты увидели перед собою здание кордегардии.

II

ГДЕ ЗИМУЮТ РАКИ

— Ну-с, милейший,— сказал Лахнер лежавшему рядом с ним Гаусвальду,— все так и случилось, как я пророчил. Мы лежим на деревянном настиле, вульгарно именуемом нарами... Черт возьми, да кто же это так отчаянно храпит?

— Ну что ты спрашиваешь? Кому же храпеть, кроме Вестмайера?

— Недаром поговорка говорит, что спокойная совесть — лучшая подушка.

Биндер беспокойно заворочался и сердито буркнул какое-то проклятие. Его больше всего сердило то, что Гаусвальд, являвшийся причиной их несчастья, еще мог шутить и смеяться. Лахнер решил позабавиться за счет упавшего духом богослова.

— Что это пробежало сейчас по моей голове? — сказал он с притворным испугом, зная, как Биндер боится крыс.— Батюшки, да это крыса! Еще одна! Да сколько их здесь!

Биндер испуганно вскочил с места. Лахнер как ни в чем не бывало продолжал:

— Как жалко, что Биндер бросил свою скрипку в парке. Если бы он теперь сыграл нам, то крысы живо убежали бы: мы уже привыкли, как он фальшивит, а крысы с непривычки ни за что не выдержали и скрылись бы с визгом ужаса. Но сколько их здесь? Еще одна... И все перескакивают через меня в ту сторону... Почему? А, понимаю. Они бегут к Биндеру, ведь животные инстинктом чувствуют, кто их любит. Ой, какая громадная сейчас пробежала...

Говоря это, он осторожно тронул Биндера рукавом по лицу. Богослов не выдержал и с пронзительным криком шарахнулся в сторону, где лежал спавший Вестмайер.

— А, негодяй,— заревел последний спросонок.— Будешь знать, как нападать на безобидных студентов. Раз! Раз! Получай!

— Проклятый! — вскричал слезливым голосом Биндер.— Он проломил мне череп!

— А? Что такое? — просыпаясь, спросил Вестмайер.— В чем дело?

Вот, братцы, сон мне приснился. Будто мне попался в руки этот негодяй-дворецкий и я здорово проучил его.

— Я, кажется, не дворецкий,— сердито заметил ему Биндер.— Постарайся на будущее время видеть сны поумнее... Боже мой, Боже мой! За что ты допустил, чтобы я попал в эту развратную компанию? Сначала мне чуть не оторвали ухо, а потом хотят разбить и всю голову.

— Да неужели я ударил тебя, Биндер? Что за наваждение такое!

— Да, да, наваждение! Все это от неумеренного питья пива!

В этот момент перед дверью послышались шаги, потом скрип отпираемого замка.

— Слава богу, наконец-то нас собираются выпустить на свободу,— сказал Гаусвальд.

Все оживленно прислушались.

Дверь открылась, и в полосе света показался какой-то изящно одетый молодой человек средних лет с бледным лицом и большими черными пламенными глазами. Его сопровождал профос, сказавший:

— Вот сюда. На нарах найдется еще местечко для одного человека.

— А что здесь за люди?

— Студенты, арестованные за учиненное ими бесчинство.

— Здесь ужасно душно. Нельзя ли открыть хоть окно? — сказал незнакомец, сунув профосу какую-то монетку.

— Что же, почему не сделать этого для хорошего человека,— отозвался профос и, отодвинув засов, снял ставень и толкнул сквозь решетку окно. В камеру ворвались струя чистого, свежего воздуха и таинственный свет луны. До этого там было темно, словно в аду, теперь же камера осветилась серебристым лунным сиянием.

Снова заскрипел замок. Незнакомец остался среди студентов, но не подошел к нарам и не прилег там, а принялся расхаживать взад и вперед по камере. Время от времени с его уст срывался мучительный вздох и руки с жестом отчаяния хватались за голову. Наконец он подошел к окну и замер там в задумчивой позе.

— Эхма,— вздохнул Лахнер.— Вот тебе и освобождение. Нет, Биндер, плохо ты изучал богословие. Не хочет Всевышний прийти к тебе на помощь.

— Молчи, Лахнер, и не оскорбляй моей верующей души своим богохульством,— слезливо ответил Биндер.— Смотри, Бог покарает тебя за безбожие.

— А тебя за набожность съедят крысы,— смеясь, ответил Лахнер.

Студенты расхохотались, от их уныния не осталось и следа. Только Биндер продолжал ныть и жаловаться, что служило неистощимым источником веселых шуток над ним, в которых особенно изощрялся Лахнер.

Мало-помалу незнакомец стал прислушиваться к их разговору, и его грустное лицо не раз освещалось чем-то вроде улыбки при этом веселье беззаботной юности. Заметив, что студенты особенно часто окликают Лахнера, игравшего роль первой скрипки в этом концерте шуток, он подошел к нарам и спросил:

— Скажите, пожалуйста, господа, где тот господин, которого зовут Лахнером?

— Здесь лежит его брэнное тело! — с шутливой торжественностью ответил тот.

— Не могу ли я просить вас быть столь любезным уделить мне минутку для важного разговора?

— Пожалуйста,— с готовностью ответил студент и отошел с незнакомцем к окну.

— Скажите,— спросил незнакомец,— нет ли у вас в Страсбурге родственника, которого тоже зовут Лахнером?

— Право, не знаю,— весело ответил студент,— ведь нас, Лахнеров, как собак нерезаных. У меня и в Вене целая куча однофамильцев.

— Вы студент?

— Юрист второго курса.

— Как вы сюда попали?

Лахнер чистосердечно рассказал историю, уже знакомую читателям по предыдущей главе.

— Вы почему-то внушаете мне доверие,— тихо сказал незнакомец, — и я хочу обратиться к вам с большой просьбой, но сначала вы должны дать мне слово, что будете держать все это в строжайшем секрете.

— Сначала я должен знать, в чем дело.

— Дело идет о благополучии и чести юной добродетельной дамы.

— В таком случае я полностью к вашим услугам.

— Так как вас арестовали за невинную шутку, то, очевидно, завтра же вы будете на свободе. Сейчас же разыщите в квартале Фенрихсгоф в Вене инструментальных дел мастера Фремда. Скажите ему, что у вас

имеется поручение от Гектора и Евфросинии. Фремд отведет вас к лицу, у которого вы должны спросить: «Щит или голова?» Если это лицо не ответит вам: «И щит, и голова», а ответит как-нибудь иначе, то обругайте Фремда: он отвел вас не к тому лицу. Тогда, не говоря больше ничего, заставьте Фремда отвести вас к тому человеку, которого я имею в виду. Получив требуемый ответ: «И щит, и голова», скажите: «Под тремя кинжалами в комнате Гектора». Тогда можете сообщить этому лицу, где именно вы встретили меня. Вот и все, что мне нужно. Согласны вы исполнить мою просьбу?

— С удовольствием.

— Тогда прошу вас исполнить ее в самом непродолжительном времени. А теперь повторите мне то, что я вам сказал, чтобы мне знать, запомнили ли вы.

Лахнер повторил все, что ему предстояло сделать. Незнакомец схватил его руку, с чувством пожал ее и надел ему на палец кольцо, которое в лучах месяца сверкнуло крупными драгоценными камнями. Лахнер хотел вернуть подарок, но незнакомец сказал:

— Для меня это кольцо не имеет ни малейшей ценности. Если бы вы знали, что ждет меня на заре, то не стали бы отказываться.

— От ваших слов на меня повеяло могильным холодом.

Незнакомец вздохнул и крепко стиснул студенту руку.

— Скоро мы расстанемся с вами, мой неожиданный друг, расстанемся, чтобы никогда не свидеться более. Вероятно, вы скоро узнаете о постигшей меня судьбе... На прощанье я позволю себе дать вам хороший совет: нет ничего опаснее на свете, как любить женщину всей душой и всем сердцем. Не рассчитывайте на ее благодарность, даже если вы принесли ей величайшую жертву. Самое большее, чего вы добьетесь,— это сделаетесь игрушкой ее каприза. Когда же ее верный раб надоест ей, она, улыбаясь, пошлет его на расстрел. Бойтесь женщин, бойтесь в особенности евреек, милый студент. У них пламенные глаза и холодная душа, обещающая красота и обманывающее сердце, призывающие губы и предательские слова... Бойтесь женщин, милый студент. А если вы не сможете избежать их влияния на свою судьбу, то только, бога ради, не допускайте, чтобы еврейка пленила ваше сердце... Ну, да что об этом говорить. Спасибо вам, милый друг, за вашу готовность оказать мне услугу. А теперь пожмите еще раз на прощанье мою руку и оставьте меня одного; мне много о чем нужно подумать.

Лахнер сердечным рукопожатием простился со своим собеседником и вернулся к товарищам. Незнакомец остался стоять у окна.

Месяц скрылся за горизонтом, и ночную тьму стали разгонять робкие предрассветные лучи. Мало-помалу светлело. Вот зачирикали под окном птички, во дворе барабан забил зорю, и в прилегавших казармах закипела жизнь. По лестницам забегали солдаты, весело насвистывавшие веселые песенки... Вскоре снова забил барабан, и во дворе послышались слова команды.

Открылась дверь, и показался профос с корзинкой, из которой торчала бутылка.

— Братцы,— сказал он, хитро подмигивая левым глазом,— а вот и завтрак. У кого найдется монетка, тот может опрокинуть стаканчик доброй водки, лучше которой не пивали в Лондоне, и закусить кусочком свежесыпеченного, поджаристого хлебца, который даже и придворным домам показался бы деликатесом.

Лахнер, Гаусвальд и Вестмайер с радостью приняли предложение профоса и выпили по стаканчику водки. Вестмайер даже запросил вторую порцию. Что касается Биндера, то он с гримасой отвращения отказался от предложенного ему стаканчика, сказав:

— Какая мерзость. Дайте мне стакан молока на завтрак.

— Молока? — с хитрой улыбкой переспросил профос.— А что такое «молоко»?

— Это то,— сердито ответил Биндер,— чего вы, вероятно, никогда не пили.

Студенты весело расхохотались.

— Ишь ты,— засмеялся Вестмайер,— оказывается, и Биндер может шутить, когда захочет.

Профос подошел со своей корзиночкой к незнакомцу. Но тот только махнул рукой и продолжал пребывать в своей грустной задумчивости.

Лахнер с участием и сочувствием смотрел на него. У незнакомца была голова римлянина. Ничего мещанского, неблагородного не чувствовалось в этом строгом профиле. Чистотой и даже наивностью светились его пламенные глаза. Лахнер готов был поручиться, что незнакомец не виноват в приписываемом ему преступлении, что он страдает за чужую вину... Он перевел взгляд на полученное им кольцо. Крупный рубин окружало несколько бриллиантов чистейшей воды. Не желая, чтобы кольцо обратило на себя чье-нибудь внимание, он